

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

428843

3

« НАУКА »

1993

I 7736

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

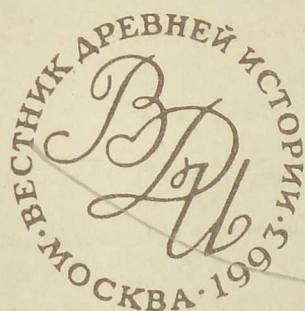
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

428843

93 л 3

3(206)

Июль—Август—Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

© 1993 г.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С.А. ЖЕБЕЛЕВА. ТРИ НЕИЗДАННЫХ МЕМУАРА С.А. ЖЕБЕЛЕВА

В рукописном наследии С.А. Жебелева имеются три оставшихся неизданными очерка об ученых, бывших его коллегами по Петербургскому университету и Академии наук. Первый посвящен видному историку греческой и передневносточной культуры Якову Ивановичу Смирнову (1869—1918), второй — выдающемуся востоковеду, основоположнику отечественной университетской школы востоковедения Борису Александровичу Тураеву (1868—1920), а третий — также видному востоковеду, специалисту по литературе и религии древней и средневековой Индии Сергею Федоровичу Ольденбургу (1863—1934). С первыми двумя С.А. Жебелева связывала длительная личная дружба, третий — С.Ф. Ольденбург — был ему хорошо знаком. Более того, С.Ф. Ольденбургу суждено было сыграть заметную роль в жизни С.А. Жебелева, поскольку он в качестве постоянного секретаря Академии наук имел прямое отношение к избранию С.А. Жебелева в действительные члены Академии, а затем, в том же качестве, был вовлечен в так называемое «дело» Жебелева. И если в первом случае роль Ольденбурга была достаточно сомнительной, поскольку он долго противился продвижению Жебелева в полные академики, то во втором его содействие было буквальным образом спасительно для Жебелева.

Два первых очерка никак не датированы, но из их содержания с очевидностью вытекает, что они были написаны вскоре после смерти тех, кому они посвящены, третий же — об Ольденбурге — датирован в рукописи точно, 1 марта 1934 г., из чего следует, что он был составлен на следующий день после смерти Ольденбурга. Таким образом, по своему жанру все три являются некрологами, написанными сразу (или почти сразу) после кончины названных ученых. При этом, однако, они едва ли предназначались для немедленного опубликования. Последнее вытекает из откровенно выраженного в них неприятия всего того, что принесла с собой в жизнь русского общества Октябрьская революция. Впрочем, текстом первого очерка Жебелев позднее воспользовался для написания обширной статьи о Я.И. Смирнове, которая была опубликована в 1928 г. во II томе «*Seminarium Kondakovianum*» в Праге и имела столь неприятные для С.А. Жебелева последствия.

По своему содержанию публикуемые очерки неодинаковы: первые два — достаточно развернутые, опираются как на личные воспоминания, так и на документы и прежде всего на переписку Я.И. Смирнова и Б.А. Тураева с С.А. Жебелевым. Цитаты из их писем обильно уснащают изложение и делают его наглядно аргументированным. Заметка об Ольденбурге, напротив того, очень лаконична и является как бы развернутым общим суждением о покойном.

Все три очерка чрезвычайно интересны для истории нашей науки. Прежде всего они дают оценочные характеристики известных ученых, выдающихся представителей отечественной гуманитарной науки. При этом замечательно различие представленных типов. Я.И. Смирнов обрисован как ученый по преимуществу, не имевший иных привязанностей и увлечений помимо страсти к разысканию и изучению предметов древней культуры. При этом С.А. Жебелев с нескрываемой симпатией отмечает фактопклонничество Я.И. Смирнова, его стремление познать древность прежде всего через оставшиеся от нее предметные реалии, вещи, которые должны быть объяснены, по возможности, из них самих и лишь затем вправлены и истолкованы в более широком историко-филологическом русле. Напомним в этой связи, что в пору молодости С.А. Жебелев, Я.И. Смирнов и М.И. Ростовцев составляли кружок страстных фактопклонников, как они сами себя величали, объединенных общим почитанием их научного кумира — Н.П. Кондакова. В обрисовке Б.А. Тураева представлено более сложное сочетание чисто ученой деятельности и религиозного интереса, переходившего в подлинное православное подвижничество, — факт по позднейшим советским понятиям исключительный, однако понятный в контексте той повышенной религиозности, которой отличалась значительная часть русской интеллигенции на рубеже XIX—XX вв. Наконец, в облике Ольденбурга представлен тип ученого-администратора, большого академического деятеля, временами, может быть, и тяготившегося своими служебными обязанностями, но по большому счету не мыслившего себе жизни вне активной общественной деятельности и соответственной карьеры.

С другой стороны, эти мемуары весьма важны для суждения о взглядах и личности самого их автора, поскольку в его оценках отчетливо выступает его собственная натура. Так, прежде всего, замечательны суждения С.А. Жебелева о творческой деятельности ученого. В очерке о Я.И. Смирнове имплицитно высказано порицание бессистемным увлечениям, разбросанности и незавершенности ученых занятий. Напротив, в статье о Б.А. Тураеве показательно одобрение кипучей энергии и продуктивности научного творчества, не исключающих известной неотделанности деталей. Другая тема авторских размышлений — совмещение ученой и административной деятельности. Известно, что сам С.А. Жебелев не уклонялся от исполнения различных общественных обязанностей: он был редактором Отдела классической филологии в «Журнале Министерства народного просвещения», секретарем Классического отделения Русского археологического общества, деканом и даже ректором Петербургского университета и т.д. Из заметки о С.Ф. Ольденбурге видно, однако, как сильно он порицал крайнее увлечение административной карьерой, поскольку это шло в ущерб научным занятиям и могло обернуться, как именно и случилось с Ольденбургом, вынужденным отречением от собственных, впитанных, что называется, с молоком матери, принципов и убеждений.

Еще один любопытный аспект внутреннего мира С.А. Жебелева выступает в статье о Б.А. Тураеве. Здесь автор с нескрываемой симпатией касается темы русского патриотизма, сопряженного с ярко выраженной христианской, православной идеей. Эта «русскость» Б.А. Тураева сильно импонирует С.А. Жебелеву, который и сам тоже несомненно был привержен русской культурной традиции и православию, что, впрочем, никогда не доходило у него до националистических излишеств. С этой чертой переплетается и другая, также наиболее отчетливо выраженная в очерке, посвященном памяти Б.А. Тураева. Это — очевидное неприятие Октябрьского переворота с его разрушительным воздействием на традиционный мир науки. Глубокой горечью проникнут рассказ об уходе из жизни Б.А. Тураева: он умер, подчеркивает автор, не столько от физического

истощения, сколько от глубинного неприятия нового мира, поправшего две самые дорогие для него вещи — чистую науку и искреннюю и откровенную религиозность. Он не пожелал приспособливаться к новым условиям и это *taedium vitae* — отвращение к жизни — и погубило его.

Публикуемые очерки расположены в хронологическом порядке с соответствующими комментариями к каждому из них. Документы издаются по авторским рукописям, хранящимся в Рукописном архиве Института истории материальной культуры и в личных фондах акад. С.А. Жебелева и акад. И.А. Орбели в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской АН. Сокращенные слова в случаях, не имеющих другого толкования, кроме предложенного авторами настоящей публикации, дополняются без квадратных скобок.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Я.И. СМИРНОВЕ

В первый раз я встретился с Яковом Ивановичем в конце 80-х гг. в Музее древностей Петербургского университета на лекциях по истории искусства Н.П. Кондакова¹; ближе познакомился с ним на вечерних занятиях, по пятницам, греческими надписями у покойного Ф.Ф. Соколова². С тех пор прошло 30 лет. За это время мы о многом переговорили с Яковом Ивановичем, очень часто спорили, иногда жестоко спорили, во многом не соглашались, на те или иные вещи смотрели по-разному, но ни разу между нами не было и минутной размолвки, и никакая черная кошка между нами не пробежала. Все, кто имел случай близко соприкоснуться с Яковом Ивановичем, отлично знают, что отличительною чертою его характера был какой-то прирожденный дух противоречия, что этот дух проявлялся всякий раз, когда приходилось касаться вопросов не только спорных, но и бесспорных, к какой бы области они ни относились, за исключением разве вопросов, всецело относящихся к науке. Тут Яков Иванович обыкновенно не спорил, если убеждался в ошибочности своих мнений и заключений, либо, если он чувствовал за собою правоту, он всегда убеждал в ней и своего собеседника. Но в делах житейских Яков Иванович был великий спорщик и иногда доходил до защиты мнений явно парадоксальных. Интересно, однако, отметить, что при всей любви своей к спору, к противоречию у Якова Ивановича на этой почве никогда не возникало каких-либо недоразумений с людьми, и собеседники, жестоко поспорив, даже накричав друг на друга, наговорив один другому всякого рода «комплиментов», расходились такими же добрыми друзьями, какими они были до того.

Лица, близко знавшие Якова Ивановича, знают, что он был большой «критик», великий скептик, удивительный «парадоксограф». Но вместе с тем все мы прекрасно сознавали, что за суровой внешностью Якова Ивановича, за его постоянным упорством, упрямством, вечной несговорчивостью таилась душа удивительно добрая, незлобивая, благородно чистая, кристально честная, на редкость правдивая. За все 30 лет моей

¹ Кондаков Никодим Павлович (1844—1925), византист, историк искусства, археолог, профессор Новороссийского (1877—1888, 1919), Петербургского (1888—1897), Софийского (1920—1922) и Карлова в Праге (1922—1925) университетов; действительный член Петербургской Академии художеств (1893), академик Петербургской АН (1898); эмигрировал в 1920 г. Н.П. Кондаков, считавший Я.И. Смирнова своим лучшим учеником, оказал определяющее влияние на формирование научных интересов последнего.

² Соколов Федор Федорович (1841—1909), историк античности, эпиграфист, профессор Петербургского университета и Петербургского историко-филологического института, член-корреспондент Петербургской АН (1900).

дружбы с Яковом Ивановичем я не мог бы привести хотя бы одного случая, когда он сказал бы самую невинную неправду, или когда он хотя бы в мелочах покривил душой. Смело высказывая свои мнения, Яков Иванович не только терпимо, но и в высшей степени терпеливо относился к мнениям других людей, хотя бы эти мнения и шли в разрез с его личными мнениями. Свято охраняя свою индивидуальность, Яков Иванович с уважением относился к индивидуальности других, и ни на минуту не проявлялось в нем стремления подчинить индивидуальность другого человека своему «я».

Между тем все должны согласиться, что склад натуры Якова Ивановича был на редкость индивидуален и самобытен, что это был человек с ярко выраженной оригинальностью, определенно очерченной твердой волей, своеобразным складом ума, ума очень глубокого, гибкого. Казалось бы такие люди, каким был Яков Иванович, должны были несколько «давить» окружающих, заставляя их «сгибаться» пред собою, стремиться подчинять их своему авторитету. На деле же ничего подобного не оказывалось. У Якова Ивановича было много друзей и почитателей, но не было врагов и завистников. Все его любили, как человека, все преклонялись пред его знаниями и умом, и никто, несмотря на кажущуюся его строгость, его не боялся, хотя все чутко настораживались, если Яков Иванович о ком-либо или о чем-либо всерьез, а не словопрения ради, отзывался неодобрительно. Если в вопросах обиденных мы, близкие приятели Якова Ивановича, над суждениями его иногда и подтрунивали, хотя никогда не подсмеивались, то в вопросах серьезных, особенно в вопросах научных, с суждениями Якова Ивановича очень и очень считались не только мы, его сверстники, но и лица, сединами убеленные. Никогда не выставляя напоказ своих сведений, не кичась ими, не хвастаясь остротой своего ума и глаза, чуждый чего-либо показного или бьющего на эффект, относясь обыкновенно с самоуничтожающей критикой и к своей деятельности, и к своим бесспорным научным заслугам, Яков Иванович приобрел и среди своих учителей, и среди своих друзей, и просто лиц, более или менее близко соприкасавшихся с ним, очень большой авторитет. Но этим авторитетом Яков Иванович никогда не злоупотреблял. Наоборот, при своей удивительной скромности Яков Иванович как-то старался если и не держаться в тени, то и не выставлять себя напоказ. Он не склонен был в разговорах слишком злоупотреблять местоимением «я», хотя, конечно, с другой стороны никогда не позволил бы наступить себе на ногу.

И не на словах, а на деле Яков Иванович, чуждый каких-либо эгоистических эмоций, был альтруистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он проявлял это свойство своей натуры даже в ущерб себе и своим занятиям. Можно было бы привести много примеров этого. Напомню два-три из их числа. Кто позаботился о том, чтобы «Материалы по археологии христианского Египта» покойного В.Г. Бока увидели свет Божий³? Яков Иванович. Кто посвятил много времени и труда на приведение в порядок библиографических материалов по мусульманской археологии, собранных покойным В.Г. Тизенгаузенем? Яков Иванович (совместно с К.А. Иностранцевым)⁴. Кто отдал в полное пользование

³ Бок Владимир Георгиеви (1850—1899), историк искусства, коптолог, хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа (1886—1899), действительный член Императорского Русского археологического общества (1890) и хранитель его музея. Речь идет о книге: Бок В.Г. Материалы по археологии христианского Египта. СПб., 1901.

⁴ Тизенгаузен Владимир Густавович (1825—1902), археолог, нумизмат, востоковед, член-корреспондент Петербургской АН (1893); Иностранцев Константин Александрович (1876—1941), востоковед, главный хранитель этнографического отдела Русского музея (с 1902 г.). Речь идет о работе: Материалы для библиографии мусульманской археологии из бумаг барона В.Г. Тизенгаузена // ЗВОРАО. 1906. Т. 16. С. 079—0145, 0213—0416.

Стржиговского⁵ богатейший материал, собранный Яковом Ивановичем во время его поездки по Малой Азии? Яков Иванович. Кто посвятил массу времени редактированию — и редактированию по существу — работы Б.А. Панченко о рельефах базилики Студия⁶? Тот же Яков Иванович. Всего не перечислить! А сколько времени уделял Яков Иванович своему «альтруизму» в Эрмитаже, где обращались к нему за советами, указаниями, справками и его сотоварищи по службе, и лица, работающие в Эрмитаже вообще? Стоило пойти к Якову Ивановичу за справками по какому-нибудь *своему* делу, и он моментально откладывал в сторону *свои* текущие работы, иногда на долгий срок, и не успокаивался до тех пор, пока не доводил до конца *чужого* дела, не наводил нужных справок, не доискался необходимой литературы предмета, не подыскал аналогий к тому памятнику, за справками по поводу которого к нему обращались. И тут сказывался не только присущий Якову Ивановичу альтруизм, но и его глубокое сознание важности, для успеха знания, коллективной работы, его преклонение пред научным знанием вообще. Когда я жестоко обрушился на Якова Ивановича за то, что он отдал все свои малоазийские материалы Стржиговскому, он мне заметил: «Самому мне не издать, или издать придется Бог весть когда, а для науки они нужны. Не хочу уподобляться собаке на сене...». Позже, конечно, Яков Иванович не преминул «облаять» Стржиговского за то, что тот не сумел, как должно, использовать отданные ему материалы, обещал поправить дело тем, что он напишет на «Kleinasien» Стржиговского⁷ «обстоятельную критику», которой он, впрочем, так и не написал.

Резкий иногда в своих словесных отзывах об авторах тех или иных сочинений, Яков Иванович избегал каких бы то ни было резкостей в своих печатных критических статьях. На диспуте Ф.И. Шмита последнему очень досталось от Якова Ивановича, но в рецензии на книгу «Кахриэ-Джами» Ф.И. Шмита⁸ все было значительно смягчено, отчего, впрочем, серьезность замечаний Якова Ивановича только усилилась. Когда я спросил Якова Ивановича, почему он не «изругал» Ф.И. Шмита как следует, он мне сказал: «Изругать-то легко, да и стоило бы, да вот поди-ка напиши такую книгу, какую написал Шмит. Все-таки он молодец!».

Я, однако, нахожу неудобным в своих воспоминаниях распространяться слишком много об Якове Ивановиче, как человеке. И вот почему: 1) Яков Иванович не любил, как он выражался, «копаться» в чужой душе (при этом он прибавлял: «И черт ее знаем, эту чужую душу, и своей-то не знаешь, да быть может ее и нет») — тем менее пристойно было бы «копаться» в его душе и пытаться ее характеризовать; 2) такого рода характеристика неизбежно была бы более или менее субъективной, а Яков

⁵ Стржиговский, или Стриговский Йозеф (Strzygowski Josef, 1862—1941), австрийский археолог и историк искусства, профессор университетов в Граце и Вене, основатель института по истории искусства при Венском университете.

⁶ Панченко Борис Амфианович (1872—1920), византист, ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе. Речь идет о работе: Панченко Б.А. Рельефы из базилики Студия в Константинополе // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1912. Т. 16. С. 1—359.

⁷ Точнее: *Strzygowski J. Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte. Leipzig, 1903.*

⁸ Шмит Федор Иванович (1877—1942), историк искусства, ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1908—1912), профессор Харьковского и Ленинградского университетов, директор Государственного института истории искусств в Ленинграде (1924—1929). Речь идет о кн.: *Шмит Ф.И. Кахриэ-джамии. I. История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков* // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1906. Т. II. С. 1—306. См рецензию: *Смирнов Я.И.* Отзыв о сочинении Ф.И. Шмита «Кахриэ-джамии» // Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899—1908 гг. Пг., 1915. С. 364—379.

Иванович сам был человек строго объективный; 3) душа Якова Ивановича была душой очень сложной, а для такого рода душ исчерпывающей характеристики не дашь в кратком очерке, да еще по воспоминаниям. Тут, в подтверждение даваемой характеристики, нужно опираться на факты, самим характеризваемым зарегистрированные в печатных ли работах, или в письмах хотя бы. А и на то, и на другое Яков Иванович более, чем скуп.

Пересмотрев напечатанные работы Якова Ивановича, я нашел в них лишь следующие места, которыми можно было бы воспользоваться как материалами для характеристики его взглядов как ученого. Вот одно из таких «общих» мест: «Археолог должен построить свои заключения исключительно на вещественных памятниках, не справляясь в первой стадии своей работы с показаниями истории письменной, так как преждевременное желание согласовать данные вещественные с данными летописными приводит обыкновенно лишь к сугубо ложным заключениям. Как в собственных своих хронологических построениях археологу должно быть крайне осторожным и осмотрительным, так надо ему избегать и слепой веры в новейшие построения историков литературы, критически разбирать историю дело не его специальности». Итак, здесь Яков Иванович призывает к осторожности и осмотрительности, дабы не впасть в «сугубо ложные заключения».

Вот другое «общее» место: «Увлечение начинающих ученых тою звездою, под которою им приходится вступать в свой научный путь, явление слишком обычное, и если из него можно выводить какую-либо мораль, так только ту, что увлечения в науке вредны вообще, а увлечения светил, занимающих центральное среди своих спутников место, — тем более».

В науке Яков Иванович придавал главное значение фактам. Вот отрывок из его письма ко мне из Афин (4 июля 1895 г.): «В рисунках [к статье Якова Ивановича о боге Месяце⁹. — С.Ж.] вся суть, листы же статей [т.е. рассуждения по поводу рисунков, воспроизводящих памятники. — С.Ж.], подобны листьям дерева; пока свежи они, и шумят, и что-то лепечут, и как высохнут, то развеваются буйным ветром во все стороны и, наконец, превращаются в ... чернозем; правда, опытный садовник на нем разводит пышные цветы, но ... оставим поэзию».

Вскоре же по окончании университетского курса Яков Иванович принял участие в археологической экспедиции под руководством Н.П. Кондакова в Сирию и Палестину¹⁰. Это было первое знакомство Якова Ивановича с Востоком, и оно наложило отпечаток на всю дальнейшую его ученую деятельность, а также и на его симпатии. Последние тяготели всегда к Востоку, которому Яков Иванович отдавал предпочтение перед «гнилым», как любил он выражаться, Западом. Яков Иванович любил Восток (Ближний), любил говорить о нем, особенно о нашей политике на Востоке, в которой он, правильно или неправильно — иной вопрос, считал себя достаточно компетентным. «В Европе, — писал мне Яков Иванович из Парижа в апреле 1897 г., — мне душно; желаю моря, пустыни, воздуха, разбойников, авантюристов etc. etc.».

По возвращении из экспедиции Яков Иванович, после долгих и настойчивых уговоров Н.П. Кондакова, согласился держать магистерские экзамены. Правда накануне экзамена Яков Иванович явился к Н.П. Кондакову и наотрез отказался идти на экзамен. Н.П. Кондаков, считаясь с «упрямством» Якова Ивановича, счел за лучшее захватить за ним в день экзамена и отвезти его в университет.

⁹ См.: Смирнов Я.И. О фригийском боге Месяце // Στέφανος. Сборник статей в честь Ф.Ф. Соколова. СПб., 1895. С. 81—135.

¹⁰ Речь идет об экспедиции 1891 г. Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину под руководством Н.П. Кондакова.

После окончания экзамена Н.П. Кондаков уговорил Якова Ивановича читать вместо него лекции на Высших женских курсах. И тут, конечно, Яков Иванович упирался, хотя потом всегда вспоминал с удовольствием о своей кратковременной преподавательской деятельности на курсах.

В 1894 г. Яков Иванович отправился в продолжительную заграничную командировку. Четыре года, с небольшим перерывом, были, бесспорно, счастливейшим временем жизни Якова Ивановича, и о них он постоянно вспоминал с особою радостью. К результатам своего пребывания за границей Яков Иванович относился, конечно, скептически и жалел, как он говорил, казенных денег, на него затраченных. На деле же результаты эти были очень значительны. За границей Яков Иванович, строго говоря, не только укрепил, но и завершил свое научное образование. Правда по заграничным университетам Яков Иванович, по его словам, слонялся мало (кажется, только во время своего пребывания в Вене он ходил слушать некоторые лекции в университет), зато с музеями, заграничными городами, жизнью и бытом в них он освоился великолепно и, благодаря природному исключительному дару наблюдательности, подметил такие стороны заграничной жизни, мимо которых другие путешественники обыкновенно проходят равнодушно.

Начал свой «вояж» Яков Иванович с Вены. Оттуда он ездил на Первый Международный съезд христианских археологов в Сплате, бывший в августе 1894 г. Яков Иванович был конечно чужд какого бы то ни было ученого шовинизма. Тем не менее он не был «ученым-интернационалистом», близко принимал к сердцу успехи и интересы науки у нас в России. В конце отчета об упомянутом съезде¹¹ Яков Иванович выражает пожелание, чтобы «русские ученые явились в Равенну [где должен был состояться следующий съезд. — С.Ж.] представить достойным образом науку христианской археологии и доказать общепризнаваемую у нас прямую зависимость равеннских древностей от Константинополя».

Из Сплата, через Албанию и славянские страны Яков Иванович направился на дорогой ему Восток, где и провел более года. Прожив много месяцев в Афинах, изъездив и отчасти исходив большую часть Греции, Яков Иванович не только сроднился с эллинами, но и сам стал филэллином и таковым оставался до конца дней своих. И в минувшую войну Яков Иванович возмущался предположениями наших дипломатов забрать, как он выражался, Константинополь, не соглашался даже с мыслью об его нейтрализации, признавая за греками все права на Царьград. В Греции Якову Ивановичу все было по душе: и страна, и люди, и образ их жизни. Он отлично освоился с новогреческим языком, недурно изъяснялся на нем и любил вставлять в беседу греческие «крылатые слова» и наиболее типичные выражения. Из Каира Яков Иванович мне писал: «Здесь, в Каире, мне что-то все в Россию хочется, а в Афинах ничего, живется весело». Это «живется весело» нужно понимать так: в Каире я один, а в Афинах есть компания. Надо заметить, что Яков Иванович был очень общительным человеком, быстро сходился с людьми, любил общество (конечно, «свое общество»), а потому и за границей ему жилось «весело» там, где он такое общество находил. «Римская жизнь, — писал он мне из Флоренции в 1897 г., — легка вообще, а в хорошей компании особенно». В приятельских беседах, сопровождаемых обыкновенно обильным чаепитием — Яков Иванович мог выпить бесконечное количество стаканов чаю — (а иногда и более серьезным питием) Яков Иванович удержу, как говорится, не знал. С покойным товарищем

¹¹ См.: Смирнов Я.И. Первый международный съезд христианских археологов в Сплате (Spalato) // Археологические известия и заметки. 1895. Т. 3. С. 196—223.

своим Павловым-Сильванским¹² он однажды просидел за разговорами в течение что-то около семи часов подряд, и был этим очень доволен. В свое время по средам у Якова Ивановича, или по субботам у меня мы засиживались за беседою часов до четырех ночи, и Яков Иванович уходил лишь тогда, когда его уже окончательно начинало клонить ко сну. Собеседником он был чрезвычайно интересным, и темы для разговора у него были неисчерпаемы.

Ко времени пребывания Якова Ивановича в Афинах относится первая его большая работа «О фригийском боге Месяце», помещенная в сборнике в честь Ф.Ф. Соколова. Вот что пишет Яков Иванович во вступлении к этой статье: «Желая принять посильное участие в издаваемом сборнике, дабы выразить глубокое уважение к виновнику его издания, автор настоящей статьи предполагал издать два рельефа Афинского центрального музея, но работа разрослась в собрание материалов о культе изображенного на этих рельефах бога». Эти слова чрезвычайно характерны для манеры работы Якова Ивановича вообще. Каждая из его работ, исходя из малого, вырастала в большое и по объему, и по содержанию. Какую бы тему не брал Яков Иванович, он старался исчерпать ее до конца и положительно не знал удержу в привлечении подлежащего (а отчасти и не подлежащего) исследованию материала. Проистекало это от различных причин. Прежде всего научная пытливость Якова Ивановича была так велика, что он не мог ограничиться только необходимым, насущным, но всегда искал случая расширить круг своих наблюдений и для этого привлекал все новые и новые материалы, а так как знания Якова Ивановича были чрезвычайно обширны и разнообразны, то эти материалы, так сказать, невольно сами собою притекали к Якову Ивановичу и расстаться с ними ему уже не хотелось. В одном из его писем он говорит: «Чем дальше, тем более и более является отвлечений во все стороны от прямых своих обязанностей. Но мне кажется, что тоже и зевать не следует, и если на охотника вместо ожидаемого зайца выскочит волк и *vice versa*, то и его упускать не следует».

Затем, в научном отношении Яков Иванович ставил, как истинный ученый, главной целью своих занятий если не признание истины, то хотя бы возможное приближение к ней; достигнуть же этого можно было, по его мнению, лишь опираясь на возможно большее количество фактического материала.

Наконец, научный склад Якова Ивановича проникнут был весь постоянным скепсисом; стремясь преодолеть его, Яков Иванович, естественно, единственный плод усматривал в привлечении возможно большего числа объективных, т.е. фактических данных. И по поводу статьи своей о боге Месяце он, когда статья была уже напечатана, писал мне: «Писано, писано, а не до чего не дописано — ничего в общем-то и не вышло». Точно так же по поводу статьи своей о христианских мозаиках Кипра¹³ Яков Иванович сообщает мне: «Статья все упирается, вперед не идет, а лишь толстеет и толстеет; придется прибегнуть, вероятно, к хирургическим мерам», а в другом письме пишет: «Хоть статья писалась долго, но ни одна часть ее с достаточной полнотой не обработана, чем длина ее и объясняется. Ибо пространно говорят обыкновенно те, которые ничего, в сущности, сказать не могут». Наконец, в третьем письме Яков Иванович

¹² Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869—1908), историк, исследователь феодализма и общественной мысли в России, сотрудник Государственного архива Министерства иностранных дел, профессор Высших женских курсов (1907—1908).

¹³ Точнее: *Смирнов Я.И.* Христианские мозаики Каира // *Византийский временник.* 1897. Т. 4. С. 1—93.

выражается еще более решительно: «Вы знаете, что я себя ни в чем компетентным не считаю, а потому и дерзаю братья за все».

Ошибочно, однако, было бы думать, что работы Якова Ивановича дают лишь собрание материала. Правда сопоставление этого материала занимает в них значительное, иногда доминирующее место, но этим сопоставлением дело далеко не ограничивается. Материал, приводимый Яковым Ивановичем, обыкновенно не только сопоставляется, но всегда попутно и исследуется. Если Яков Иванович как-то старался удержать себя от синтеза, от всякого рода широких обобщений, если он редко позволял себе фантазировать, как он выражался, то в деле анализа это был первоклассный мастер, и произведенные им анализы как вещественных, так и письменных памятников представляются зачастую истинными *chef d'oeuvre*'ами. Наконец, само сопоставление материалов, даваемое Яковым Ивановичем, имеет ценность само по себе в том отношении, что материалы эти брались им обыкновенно из первых рук, а не заимствовались из всякого рода *Handbuch*'ов и энциклопедий. Это были действительно *новые* материалы, а не подносимые под новым соусом, или в новой распланировке материалы старые. И ученость Якова Ивановича, проявляющаяся в сопоставлении этих материалов, была ученостью не кажущихся, не мнимой, а ученостью истинной, реальной. Но оставим это, как любил часто говаривать Яков Иванович.

В Афинах, как и в других местах своего заграничного пребывания, Яков Иванович работал всюду, интересовался всем и потому в письмах его постоянные сожаления о недостатке времени. В письме из Афин от января 1893 г. он пишет: «Пора собираться в Египет, надо делать тридцать дел и вообще, как и всегда, времени нет, и из многоделия получается безделие». В письме из Каира в марте того же года он пишет: «Жаль уезжать, не свершив всего желаемого, но ничего не поделаешь: везде так уезжать приходится. Просто беда: печально, если это происходит от собственной лени и привычки откладывать дела не завтра. То же будет и с Афинами, и с Грецией».

В Афины из Египта Яков Иванович вернулся в начале апреля 1895 г., чтобы принять участие в устраиваемых Немецким археологическим институтом *Peloponnesreise* и *Inselreise*. По возвращении из этих путешествий Яков Иванович еще до августа оставался в Греции, а оттуда отправился в Салоники, где занимался исследованием вопроса о времени мозаик св. Софии Солунской.

Осенью 1895 г. Яков Иванович совершил большое путешествие по Малой Азии, провел две недели на Кипре. На Кипре ему посчастливилось сделать удивительную находку — две замечательных мозаики. Статья о них, к счастью, напечатана. Зато результаты поездки по Малой Азии Якову Ивановичу обработать не удалось. Это он как будто заранее предчувствовал. «О путешествии по Малой Азии, — писал он мне из Константинополя в марте 1896 г., — как можете заключать по прошедшему, настоящему и будущему, писать мне и вовсе не придется». Действительно, материалы, собранные в Малой Азии, Яков Иванович передал, как упоминалось выше, для обработки Стржиговскому, сам же ограничился лишь небольшою статьею, напечатанною в «Живой старине»¹⁴. В этой статье Яков Иванович описывает пребывание свое в «самом отдаленном поселении русских раскольников в глубине Малой Азии», [рассказывает] о поселении казаков-некрасовцев на острове Мада, на Бейшегорском озере Гамид-абадского

¹⁴ Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на о. Мада на Бейшеирском озере, Гамидабадского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. 1. Отд. 1. С. 1—31.

санджака Конийского вилайета. В этом же вилайете, в деревне 'Ара[.]юссос (турецк. Ярпуз) Яков Иванович открыл два замечательных камня с рельефами и надписями, быть может киммерийскими; собственноручные копии с этих памятников доставлены были Яковом Ивановичем в Русское археологическое общество и изданы в его «Записках»¹⁵.

1896 год заграничного путешествия Якова Ивановича, после пребывания в начальные месяцы его в Константинополе, посвящен был Италии, в частности Риму. Из Константинополя Яков Иванович в мае уехал в Испанию, а оттуда на трансатлантическом пароходе перебрался в Геную, и в июле объявился в Риме, где мы с ним встретились и провели вместе около месяца. Об этом месяце можно было бы много рассказать — так было и поучительно, и интересно, и весело проводить время в «Вечном городе» с Яковом Ивановичем, где компанию нашу разделял и покойный скульптор В.А. Беклемишев¹⁶. Из многих сообщу лишь один эпизод, характерный для Якова Ивановича. Похали мы как-то в Тиволи и стали осматривать там виллу Адриана. Беклемишев и я предлагали при осмотре придерживаться Бедекера¹⁷. Яков Иванович энергично запротестовал, упрекая нас в том, что мы не можем действовать без немецкой указки и изобрел какой-то свой план осмотра виллы. В результате он завел меня (Беклемишев отстал) в какой-то тупик, оттуда, чтобы сойти вниз, приходилось прыгать чуть-ли не с двухсаженной высоты. Яков Иванович был чрезвычайно доволен, что мы осмотрели виллу не по Бедекеру, хотя и с опасностью свернуть себе шею... Это пустяк, но и в делах более серьезных Яков Иванович всегда предпочитал идти не по проторенной дорожке.

В Италии Яков Иванович оставался до конца марта 1897 г., когда он перебрался в Париж, а затем в Лондон, с тем чтобы там заняться исключительно тою работою, которая тяготела над ним, можно сказать, всю его жизнь и которую ему удалось выполнить только отчасти. Я имею в виду его «Восточное серебро». Тема и этой работы разрасталась у Якова Ивановича постепенно. Первоначально предполагалось, что Яков Иванович соберет в одном издании и исследует так называемые сассанидские блюда. Но именно за границей и расширились рамки работы Якова Ивановича, когда он осмотрел в оригинале и все блюда и кувшины, попавшие из России в музеи Западной Европы, и запаса фотографическими воспроизведениями их. За границей Яков Иванович искал преимущественно материалов для своей работы, собрал их в колоссальном количестве, но приступить к их обработке не мог, хотя и собирался сделать это. Из Флоренции в марте 1897 г. он мне писал: «Мне же теперь, когда я тронулся в скитания с насиженного места [т.е. из Рима. — С.Ж.], особенно привлекательным кажется, закончив странствия свои, вернуться в Питер и приняться за печатание блюд, но, увы! Я сильно сомневаюсь, чтобы удалось привезти что-либо готовое к печати, хотя я и написал сегодня Тизенгаузену, что надеюсь привезти». Из Лондона в мае 1897 г. Яков Иванович пишет мне: «В Питер я явлюсь не только с пустыми карманами, но и руками, так как конечно, несмотря на все клятвы, ни строки для печати блюд у меня не готово».

¹⁵ См.: Смирнов Я.И. Письмо о двух камнях с рельефами и надписями в селении Ярпуз на берегу р. Кизил-Ирмака // ЗРАО НС. 1896. Т. 7. С. 444—446.

¹⁶ Беклемишев Владимир Александрович (1861—1920), скульптор, профессор (с 1894 г.) и ректор (1900—1902, 1906—1911) Петербургской Академии художеств.

¹⁷ Бедекер — название широко распространенных путеводителей для путешественников по разным странам мира, главным образом на немецком языке. Свое название получили по имени немецкого книготорговца и издателя К. Бедекера (1801—1859), создавшего в Кобленце специальное издательство таких путеводителей (1827).

По возвращении в Петербург Яков Иванович действительно ревностно принялся за «блюда», но прошло 12 лет, когда появилось «Восточное серебро», и то в виде лишь атласа с кратким пояснительным текстом, но без исследования¹⁸. Между тем материал, собранный Яковом Ивановичем для последнего, колоссален и хранится в рукописном виде¹⁹. Удастся ли из этого материала создать связный текст ко всему атласу, сказать не берусь; частично, вероятно, удастся, и это надо непременно когда-нибудь сделать.

Если пересмотреть предметы, сопоставленные в Атласе, то станет отчасти понятно, почему текста к Атласу так и не появилось. Не говоря уже о сложности и новизне темы, о разнообразии материала, хронологические рамки, в которые он уложен Яковом Ивановичем, способны поразить всякого: ведь предметы, сопоставленные им в Атласе, охватывают эпоху почти в два тысячелетия, а характерные группы, на которые они распадаются, доходят до шести — и это только характерные, основные группы. А сколько, помимо них, найдется побочных! При этом нужно еще принять в расчет, что при исследовании сопоставленных памятников Якову Ивановичу пришлось быть в полном смысле слова пионером: предшественников у него в этой сложной, исключительно новой работе не было. Возможно, что исследователь, заботящийся главным образом о *своей* славе, рискнул бы объять необъятное и написал бы исследование. Но Яков Иванович заботился исключительно о славе того дела, которому он служил почти четверть века. Очевидно, он считал для себя приемлемым дать только такой текст, который удовлетворял бы его от альфы до омеги.

С другой стороны, если бы Яков Иванович по возвращении из-за границы сосредоточился исключительно над «Восточным серебром», ему, быть может, и удалось бы дать текст к нему. Но, во-первых, он должен был, как он говорил, «служить», а во-вторых, не в натуре Якова Ивановича было сосредоточиваться над чем-нибудь одним: при его широком научном горизонте его постоянно увлекали все новые и новые проблемы и темы, его прельщала не только кабинетная, но и внекабинетная работа. И всякой новой работе, делал ли он ее для себя, или исполнял для других, Яков Иванович отдавался целиком и, по складу своей природы, не упрощал а усложнял ее.

Еще во время пребывания Якова Ивановича за границей тогдашний декан историко-филологического факультета И.В. Помяловский²⁰ настоятельно указывал ему на необходимость выступить и на поприще университетского преподавания. Яков Иванович не очень-то одобрительно относился к этому. В письме из Рима в феврале 1897 г. он пишет мне: «Никакого курса выдумать даже, тем менее читать, я не могу, особенно же по истории искусства, ибо решительно не имел случая ознакомиться с новейшими томищами Фуртвенглера, не говоря уже о прочем. Уж если что выдумывать, то полагаю что-либо вроде общего очерка вещественных памятников древнего мира, хотя бы Востока на первый семестр, нечто вроде общего хламоведения. Художества же и художественные школы и роль великих мастеров пусть развивают иные, я же полагаю нелишним дать понятие о реальных остатках древности во всем подавляющем множестве ничтожных, в сущности, вещей; при этом можно усиленно пользоваться Эрмитажем. А то

¹⁸ Речь идет о кн.: *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1908.

¹⁹ О неизданных материалах ученого см.: *Беленицкий А.М., Зеймаль Е.В.* Рукописное наследие Я.И. Смирнова // *Художественные памятники и проблемы культуры Востока.* Л., 1985. С. 9—14.

²⁰ Помяловский Иван Васильевич (1845—1918), филолог-классик, эпиграфист, член-корреспондент Петербургской АН (1890), профессор Петербургского университета.

выдолбят [слушатели. — С.Ж.] все типы и характер разных (в значительной мере проблематичных) школ по литографированным лекциям, а мрамора от гипса не отличают. Теоретически мне таковые реальные лекции классической археологии казались бы бесполезными, а общего курса по истории искусства я ни за что читать не буду».

В 1898 г. Яков Иванович вступил в число приват-доцентов историко-филологического факультета нашего университета, но лекции он читал лишь в течение года. Когда летом 1899 г. последовало увольнение некоторых профессоров и приват-доцентов университета, Яков Иванович подал прошение об отчислении его из состава приват-доцентов. Вступил он вновь в число преподавателей университета лишь в последние годы своей жизни и лекции читал на факультете восточных языков по археологии христианского Востока. Подготовка к этим лекциям брала у него много времени, и хотя выходило так, будто Яков Иванович очень тяготился ими, но на деле Яков Иванович любил читать лекции. Впрочем, это были не столько лекции, сколько беседы. Большой аудитории Яков Иванович никогда не собирал, но те, кто у него учились, несомненно научились многому, как научились мы у него, его сверстники, друзья и приятели — научились на его докладах, на беседах. Исключительны и на редкость разносторонни были знания Якова Ивановича, удивительною чуткостью понимания художественных форм обладал он, а с зоркостью его глаза кто мог сравниться?! Как ученый, Яков Иванович в полном смысле слова был гигантом.

За последние полтора года жизни Якова Ивановича судьба, казалось, ему улыбнулась: он стал академиком, мечтал оставить службу в Эрмитаже (Эрмитаж он очень любил и сжился с ним; угнетало его лишь то, что ему по службе нужно было, как он говорил, отсиживать присутственные часы) и всецело отдаться науке. Но улыбка судьбы оказалась очень коварною: пошатнулось здоровье Якова Ивановича. На почве ослабления сердечной деятельности, вызванного очевидно переживаемыми обстоятельствами, у него появились отеки на ногах, развилась какая-то необычная раздражительность, повышенная нервность. Больно было видеть, как таял Яков Иванович, и все-таки в голову не приходило, что развязка так близка. В пятницу 18 октября, в полдень, мы встретились с Яковом Ивановичем в Музее древностей университета, поговорили, затем собрались идти вместе до Дворцового моста. Вдруг, о ужас, Яков Иванович пробует встать со стула и не может. И.А. Орбели²¹ и я помогли ему подняться на ноги. Пошли по нижней галерее университета, шли очень тихо, а Яков Иванович все предупреждает меня не идти быстро, потому что ему трудно передвигать ноги. Дорогой он говорил мне о том, что он скоро поедет к себе в деревню, где рассчитывает отъесться и отлежаться. Так мы еле-еле добрались до Дворцового моста и около него расстались. Я пошел по мосту. Оглянувшись, увидел, что Яков Иванович стоит около здания Зоологического музея и рассматривает выставленные в витрине книги...

Это была моя последняя встреча с Яковом Ивановичем — 23 октября его не стало...

ПФА РАН. Ф. 909. Оп. 5. Д. 22. Л. 1—29. Автограф.

²¹ Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961), востоковед, директор Государственного Эрмитажа (1934—1951), академик АН СССР (1935), АН Арм.ССР и ее первый президент (1943—1947). В своих воспоминаниях он с теплотой пишет о Я.И. Смирнове. См.: *Орбели И.А. Воспоминания студенческих лет // Юзбашьян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1986. С. 137, 153, 155—158.*

С Б.А. Тураевым мы — старые товарищи. Без малого 34 года минуло с тех пор, как мы — студенты-первокурсники Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета — познакомились с ним в нашей alma mater. Четыре года слушали мы с ним лекции и участвовали в многочисленных тогда — и по древним языкам, и по истории — практических занятиях, сдавали вместе экзамены в государственной комиссии весной и осенью 1890 г., получили на них одинаковые отметки, оставлены были в один день, 1 декабря 1890 г., при университете, утверждены были, опять-таки в один день, 9 сентября 1904 г., профессорами.

За 34 года общения с Борисом Александровичем воспоминаний о нем у меня должно было накопиться достаточно. Но их пока трудно привести в систему: слишком недавно ушел от нас Борис Александрович. Поэтому то, что я сообщу о нем, будет носить, неизбежно, отрывочный характер.

Curriculum vitae Бориса Александровича, как и большинства истинных мужей науки, не сложное и внешними событиями не богатое. Но внутренние факторы, обуславливавшие эти внешние события, прозрачные по своей яркости и ясности, наложили свой отпечаток на облик Бориса Александровича и как человека, и как ученого, и как общественного деятеля.

Будучи натурою вполне цельною и в некоторых отношениях весьма своеобразною, сохраняя всегда и проявляя во всем свою индивидуальность, Борис Александрович, однако, никогда этой индивидуальности не подчеркивал и лицам, не очень близко знавшим его, мог показаться человеком обыденного типа. Но это далеко не так. Натура Бориса Александровича была совершенно особенного, исключительного, на других не похожего склада. Индивидуальность Бориса Александровича не могла бросаться ярко в глаза всем и каждому потому, что он обладал двумя отличительными свойствами, особенно трогательными в наше время: удивительною скромностью, граничащей подчас не только с застенчивостью, но с каким-то самоотречением, и несомненным отсутствием эгоизма, того эгоизма, который побуждает человека во всем, что бы он ни делал, что бы он ни говорил, всегда заботиться о том, как бы порельефнее выставить самого себя. Свою «самость» Борис Александрович оберегал зорко и не позволил бы никогда и никому не считаться с нею, тем не менее его «я» никогда не стояло на первом плане. И о людях он судил по делам их, ибо и сам служил, прежде всего, делу, а потом уже людям, как носителям той или иной идеи, совершителям того или иного дела.

Какому же делу посвятил свою жизнь Борис Александрович? Не одному, а двум: одно дело было служение науке, другое дело было служение церкви, церкви православной. Какое из этих двух дел было ближе сердцу Бориса Александровича? Думается, в равной мере и то, и другое. Но думается вместе с тем, что если бы сложившиеся обстоятельства потребовали от Бориса Александровича во что бы то ни стало, без каких бы то ни было отговорок, выбрать непременно одно из этих двух дел и пожертвовать другим, он не задумался бы в своем выборе. И с болью в душе он сказал бы: вы наносите мне неисцелимую рану, вы отнимаете у меня половину моего существования, но хорошо, пусть будет по-вашему... я жертвую наукой, но я не жертвую церковью.

К счастью, судьба не потребовала от Бориса Александровича такой жертвы. Он имел возможность беспрепятственно и невозбранно, до конца жизни, служить и науке, и церкви. Многих интересовал вопрос, как мог он совмещать служение и науке, и церкви. Ответ дал Борис Александрович

в составленном им некрологе В.В. Болотова¹. То, что он пишет о глубоко чтимом им ученом, может быть применено и к нему самому. «Наука и церковь были для него тесно связаны; служение первой было в тоже время и подвигом во славу второй. Он был ревностным и верным сыном православной церкви, но вместе с тем и убежденным сыном; я сказал бы даже, был верным потому, что был убежденным. Историческая истинность православия была для его критического ума не только верою, но и знанием, очевидным до осязательности». И далее Борис Александрович приводит выдержку из лекции В.В. Болотова²: «Вероисповедный характер церковной истории не стоит в противоречии с требованием безусловной правдивости. Истина вероисповедания для христианина есть лишь конкретное выражение истины вообще. Он держится своего вероисповедания потому именно, что видит в нем свидетельство истины в догмате и истории, и обязан отказаться от него, если пришел к убеждению, что истина не на стороне его церкви. Чувство меры всегда должно служить предостережением против крайнего понимания вероисповедного начала в истории. Правильно понятое, оно дает место объективности в историческом исследовании. Вера, что истина существует только в православной церкви, не дает права в истории церковей инославных видеть только темные стороны, в их системах — только сцепление логических ошибок, и в православных деятелях не замечать ни нравственных недостатков, ни исторических промахов. Исторический объективный материал господствует над историком, и он должен только осветить его с православной точки зрения, т.е. указать именно на те стороны факта, которые имеют значение для православных, но не должен видеть во что бы то ни стало свои православные desideria осуществившимися: это повело бы уже к искажению данных истории».

Борис Александрович начал свои занятия с изучения древнего Востока, в частности древнего Египта. Постепенно расширяя и углубляя их, он перешел к Востоку христианскому, в частности к Египту христианскому. И тут и там интересы его возвращаются по преимуществу вокруг вопросов, связанных с религией и богослужебным культом. Магистерская диссертация Бориса Александровича «Бог Тот»³ представляет главу из истории древнеегипетской религии; его докторская диссертация — «Исследования в области агиологических источников Эфиопии»⁴. В «Истории древнего Востока»⁵ вопросам, относящимся к религии и культу, отводится очень широкое место; главы, им посвященные, изложены с особым подъемом. Все это не случайно, все это органически вытекает из основной стихии Бориса Александровича, его служения церкви.

Где бы ни был Борис Александрович, чем бы он ни занимался, он никогда не забывает церкви и всего с нею связанного. Вот он в Берлине,

¹ Болотов Василий Васильевич (1854—1900), историк церкви, профессор Петербургской духовной академии, член-корреспондент Петербургской АН (1893). См.: Тураев Б.А. В.В. Болотов / Некролог // Журнал министерства народного просвещения. 1900. № 8. Отд. 4. С. 81—101; он же. Памяти В.В. Болотова // ЗВОРАО. 1900. Т. 13. С. 041—045.

² Вероятно, речь идет о «Лекциях по истории древней церкви», вышедших после смерти В.В. Болотова под редакцией проф. А. Бриллиантова (СПб., 1907—1913. Т. 1—3).

³ См.: Тураев Б.А. Бог Тот: Опыт исследования в области египетской культуры. СПб., 1898.

⁴ См.: Он же. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902.

⁵ Тураев Б.А. История древнего Востока. Курс, читанный в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1911. Ч. 1—2. Изд. 2. СПб., 1913—1914. Указатель. Пг., 1915. Третье издание, готовившееся автором при жизни и сданное в печать в 1917 г., вышло не в полном виде: в 1924 г. был опубликован лишь первый том под редакцией и с примечаниями учеников Б.А. Тураева — В.В. Струве и Н.Д. Флиттнер. Наиболее известное четвертое издание вышло в двух томах в 1936 г.

штудирует у Эрмана⁶. Сообщив в письме от января 1895 г. о том, как Эрман объясняет птолемеевские тексты, Борис Александрович непосредственно продолжает: «В окрестностях Берлина недавно сооружена новая хорошенькая церковь, стоящая среди лесов и полей и напоминающая не только монастырь, но и целую пустынь. Мы как-то раз во время праздников улучили свободный часок и отслужили там всенощную, оглушив нашим звоном пустынную окрестность. Приятно было послушать на чужбине эти высоко поэтические стихиры и вспомнить готовящихся к празднику соотечественников». И далее в том же письме: «Недавно я посетил славный Лейпциг, был в стенах его университета, посетил музей, книжных торговцев, и даже ... архиерейскую службу в греческой церкви ... Она помещается прямо в неприличном месте — на третьем этаже наемного грязного дома, переполненного кабаками и мастерскими. В довершение всего, прислуживает немка-старуха, то и дело снующая в алтаре».

В письме от 29 мая того же 1895 г. Борис Александрович делится со мною своими итальянскими впечатлениями: «Посетил я, между прочим, Grottaferrata, этот монастырь вертопрахов и искарриотов-униатов. Пришли мы туда в 11 часов. Спрашиваем, когда служба. Говорят, обедня была рано, а через полчаса начнется утренняя и часы ... Когда мы пришли в церковь, утренняя была уже на конце — читали пасхальные стихиры. Сравнил я невольно нашу чудную службу этой дивной седмицы, это неумолкаемое Христос Воскресе, это торжественное пение канона, это непрестанное каждение и обилие света — с убогим бормотанием под нос сидящих в алтаре отступников, причем не было даже священника в облачении и не было зажжено ни одной свечи».

Где бы ни был Борис Александрович в Европе, православная церковь его всегда и особенно интересует, и к представителям ее он относится иногда с беспощадною суровостью. В письме от 25 июля 1897 г. он пишет мне: «Заграничные представители нашей церкви, кроме достопочтенного берлинского причта, по-прежнему конкурируют друг с другом в тунеядстве и ничегонеделании. В Копенгагене не служат всенощную, а в Дрездене батюшка ... запер церковь с 15 июля по 15 сентября, т.е. на 4 двенадцатых праздника и сам завалился на дачу... Зато в Берлине, по-прежнему, неумомимы и энергичны. Гекен готов служить хоть каждый день, несмотря на то, что его приход — целый уезд. Мы с ним изрядствуем и служим заутреню».

В 1909 г. исполнилась заветная мечта Бориса Александровича. Он попал в Египет, где в Каире был тогда Международный археологический конгресс. Сообщив о нем и о делах ученого характера, Борис Александрович неукоснительно мне в письме сообщал: «По части церкви плохо. Не пришлось быть ни в Вербное Воскресенье, ни в Великую Субботу на обедне. Мы с Фармаковским⁷ ходили на "Се жених" в Саввин монастырь в Александрию и на Благовещение к обедне в тамошний великолепный собор, где был как раз храмовый праздник. Был я там и на Двенадцать евангелий и на выносе плащаницы. Хорошо! К субботней заутрене приехал уже в Каир, где гораздо хуже. И тут и там архиереи. Толпа, давка и гам в церкви превосходят вероятие. В пасхальную ночь мы пошли в коптский собор, где служил патриарх, потом я ходил в православную церковь к заутрене и к поздней обедне».

⁶ Эрман (Erman) Адольф (1854—1937), немецкий египтолог, профессор Берлинского университета (с 1883 г.), директор Египетского музея в Берлине (с 1884 г.), член Прусской АН (1894).

⁷ Фармаковский Борис Владимирович (1870—1928), археолог, историк античного искусства, член-корреспондент Петербургской АН (1914).

В Петербурге ли, в Москве ли был Борис Александрович — время его всегда делилось между наукой и церковью. И как неутомим он был в занятиях наукою, так не знал он усталости и в отстаивании церковных служб. Будучи исключительным знатоком церковного устава, Борис Александрович тщательно выискивал те церкви, где он более или менее строго выполняется. И тут никакие расстояния его не останавливали. Проживая на Васильевском острове, ходил он на Разъезжую улицу, в Александро-Свирское подворье, на Николаевскую улицу в единоверческую церковь, ходил потому, что, как он говорил, там служат хорошо. А «служить хорошо» значило в его глазах справлять службу, по возможности, полно и истово.

На погребении Бориса Александровича один из церковнослужителей, в прощальном слове к нему обращенном, правильно заметил, что Борис Александрович вращался не около церкви, как это многие у нас делали и делают, но что он был в церкви. Борис Александрович был «церковником» в лучшем и чистом значении этого слова. И не нужно смешивать его «церковность» с его «религиозностью». Конечно, он был искренне верующим человеком и какое-либо ханжество было ему а priori чуждо. И он не слепо, а зрячими глазами верил. Было бы неправильно назвать его религиозным фанатиком, но в отношении церковности он, если бы понадобилось, дошел [бы] до фанатизма в отстаивании того, в чем он был искренне убежден и что, по его мнению, шло на потребу церкви. Как он был счастлив, когда, после февральского переворота, поставлен был, наконец, вопрос о назревшей реформе церкви! С какой радостью приветствовал он созыв церковного собора! Каким не только ревностным, но пламенным участником его заседаний он был! Сколько надежд возлагал он на результаты занятий сора и как должно было скорбеть его сердце, когда начатое дело не только не было завершено, но, в силу изменившихся обстоятельств, приняло гибельный для его церковности оборот! С каким жаром отдался он в последние два года приходской работе, богословскому институту! С каким трогательным умилением исполнял он обязанности старосты нашей университетской церкви! А когда, по чьей-то злой воле и явному недомыслию, приказано было прекратить в ней богослужение, с какою ревностью стал он, как говорил, «строить» свою церковь в доме № 8 по Биржевой линии. И он «построил» ее, и лелеял ее, и готов был всего себя отдать за нее. Минувшею зимою я сам видел, как он нес сам по набережной несколько поленьев в церковь.

Незадолго до кончины Борис Александрович принял посвящение в стихарь. В стихаре, как чтеца, согласно его желанию, и положили его в гроб. Если бы Бог продлил веку Бориса Александровича, он, можно быть уверенным в этом, принял бы священнический чин. Борис Александрович жил и умер истинным служителем церкви, вернейшим сыном ее. И невольно хочется уподобить Бориса Александровича тем людям, которые в древней церкви назывались *исповедниками*.

Как ученый, Борис Александрович уже при жизни признан был не только у нас, но и за границей крупной величиной. Но и в служении науке, как и в служении церкви, Борис Александрович был активным деятелем, а не пассивным созерцателем. Ученые познания его не были, как это нередко встречается и в среде крупных ученых, мертвым капиталом. Ученый капитал Бориса Александровича был пущен им в самый широкий оборот, вложен был в колоссальное предприятие. Это был светильник, который светил всем, «иже во храме суть». По отношению к своим личным работам Борис Александрович не принадлежал к числу тех, которые с излишней щепетильностью и ревностною боязливостью относятся к их опубликованию и ждут да ждут, пока все точки над *i* будут поставлены, пока и тени сомнения в правильности выводов не останутся. Науке Борис Александрович служил

так и истово и рачительно, как служил он церкви. Он работал даже с какою-то лихорадочную поспешностью, вечно что-либо издавая, описывая, исследуя. Своих знаний он не скрывал под спудом, напротив, стремился поскорее сделать их общим достоянием. Он всегда говорил, что на русском ученом лежит, прежде всего, обязанность двигать науку вперед во что бы то ни стало, особенно такую «экзотическую», и только что зародившуюся у нас науку, как та, которой он служил с таким рвением и самозабвением. Да, именно с самозабвением, потому что для Бориса Александровича в его ученой деятельности стояла прежде всего сама наука, а затем уже и удовлетворение личных научных интересов. Когда возникал вопрос о том или ином важном научном деле, ученом предприятии, Борис Александрович забывал совершенно себя и весь отдавался этому делу. Нависла опасность потерять для России Голенищевское собрание⁸ — Борис Александрович звонит во все колокола, чтобы спасти его. Нужно собрание это переправлять в Москву — Борис Александрович денно и нощно следит за упаковкой. Коллекция благополучно достигает Московского музея изящных искусств, и нужно там размещать, каталогизировать, изучать и пр. — Борис Александрович в течение целого ряда лет, предпринимает длительные, а подчас и очень утомительные поездки в Москву, живет там на положении студента, питаясь в различных вегетарианских столовых. Эти московские поездки, особенно тягостные за последнее время, Борис Александрович прекратил только тогда, когда все то, что нужно было по его мнению сделать в Москве для Голенищевского собрания, было сделано им, и он мог начать подумывать о приискании себе преемника. Так всегда и во всем действовал Борис Александрович, когда дело шло о научных интересах. А с какою ревностью ездил Борис Александрович, и ездил систематически, по различным русским городам, где, как он знал, имелись египетские вещи! Как он «охотился» за этими частными собраниями! И при этом он не испрашивал себе ни дальних, ни тем более близких «ученых командировок», не хлопотал о «покрытии путевых издержек». И если бы у него денег не оказалось на такие поездки, он последний сюртук снял бы со своего плеча, а все-таки поехал бы! Служение науке было у Бориса Александровича совершенно бескорыстное и даже в некоторых случаях материально убыточное для него. Наука никогда не была для него «дойной коровой» и о материальных выгодах, с ней сопряженных, он не помышлял ни одной секунды. Не было в нем и ученого тщеславия и никогда не выставлял он себя на первое место даже в тех случаях, где это первое место ему принадлежало по праву.

На науку Борис Александрович смотрел как на общечеловеческое достояние. Но к интересам науки в России относился он чутко, присматриваясь к ним зорко. Многие из нас, прошедшие заграничную школу, образуются затем в каких-то «интернациональных» ученых и даже кичатся этим «интернационализмом». Борис Александрович, прошедший также заграничную школу, остался национальным ученым, остался, конечно, потому, что он был русским человеком. Воздавая должное Германии, где он провел большую часть времени своего заграничного пребывания, Борис Александрович вовсе не обратился в ее безусловного поклонника. В августе

⁸ Голенищев Владимир Семенович (1856—1947), египтолог, ассириолог, семитолог, собравший громадную коллекцию египетских и переднеазиатских древностей (свыше 6 тысяч предметов). Благодаря Б.А. Тураеву, коллекция В.С. Голенищева была приобретена русским правительством, в апреле 1911 г. перевезена из Петербурга в Москву и стала достоянием Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им А.С. Пушкина). С 1912 г. Б.А. Тураев заведовал этим собранием, издавая вместе с В.К. Мальмбергом «Памятники Музея изящных искусств в Москве» (М., 1912—1913. Вып. 1—4). и «Описание египетского собрания Музея изящных искусств» (М., 1917. Ч. 1—2).

1895 г. он писал мне из-за границы: «В этом году немцы устроили две выставки: на французской границе в Страсбурге и на русской в Кенигсберге. Хотят запугать мир своей скороспелой культурой и новорожденным величием. Будем надеяться, что оно не только новорожденно, но и мертворожденно».

Когда началась великая европейская война и когда начальный оборот ее сулил России много великого и хорошего, Борис Александрович как-то раз сказал мне, что он чувствует себя даже недостойным жить в *такое* время. В малораспространенном журнале «Экскурсионный вестник» за 1915 г. им напечатана замечательная статья «Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями»⁹. Она очень характерна для мировоззрения Бориса Александровича, и я приведу из нее несколько выдержек: «Провидение судило нам быть современниками великих событий. Через несколько месяцев границы мировых держав будут иные, и мы верим, что наше Отечество в этом отношении окажется в более выгодном положении, чем было до сих пор. Уже дошедшее до своих этнографических пределов и избавившее целую большую ветвь своего коренного племени от позора подъяремности, оно достигает и своих естественных исторических и политических границ, осуществив вековые чаяния и заветы своей истории. Мы верим, что святые места нашей религии и священные области человеческой культуры частью войдут в наши пределы, частью попадут в иные, более выгодные для нас и для науки политические условия. Погребение двух трупов — Австрии и Турции — и парализование разбойничьих поползновений Германии должны создать более здоровую и благоприятную для науки атмосферу и обстановку на дорогом для нас Ближнем Востоке, который казался уже в значительной своей, и притом наиболее близкой к нам части, обреченным на поглощение как материал для новой мировой империи ученых варваров. Еще Фридрих-Вильгельм IV, поклонявшийся Москве с террасы Румянцевского музея, через 25 лет после воссоздания его государства Россией, при содействии египтолога Бунзена¹⁰, учреждает в Иерусалиме для противодействия влияния России и соращения православных так называемый протестантский епископат, который должен был сделаться вселенским центром протестантизма, но который, вследствие благородной роли англиканства, потерял значительную долю своего агрессивного характера. Тогда воинствующая Пруссия выдвинула другие средства — экономические и научные, имеющие, конечно, целью превращения Турции в прусскую провинцию, каковой она временно стала на наших глазах. Для нас, русских, непонятна подобная профанация религии и науки. Мы привыкли относиться к науке с почитанием почти религиозным и считаем недопустимым пользование ею для каких-либо иных целей, кроме идеальных. Но там и религия, и наука служат мирским целям, подготавливая экономическое преобладание и политические захваты. "Сперва миссионеры, потом консулы, а затем и солдаты", — сказал еще абиссинский царь Феодор; если бы он был в Турции, он должен был бы к миссионерам прибавить ученых, особенно археологов. И одно обстоятельство не может не внести неприятных нот в наше преклонение пред теми действительно крупными заслугами, какие оказали делу изучения Ближнего Востока и Deutsche Orientgesellschaft, и Deutsche Palaestina-Verein, и Vorderasiatische Gesellschaft, и другие организации миссионерского и научного характера. Стремления воинствующего германизма не ограничивались Малой Азией, Сирией и Месопотамией — они вторгались в наши пределы. Кавказский

⁹ См.: Тураев Б.А. Задачи русской науки на переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями // Экскурсионный вестник. 1915. № 1. С. 3—12.

¹⁰ Бунзен Христиан Карл (1791—1860), немецкий востоковед и дипломат.

хребет должен был служить границей между австрийским Grossfürstentum Kiew и азиатскими колониями Германии. Для подготовки германской Армении учреждались специальные общества и снаряжались ученые экспедиции ... Одновременно с этим Оттоманский музей все более и более превращался в филиальное отделение берлинского ... Волею providения мы видели крушение планов наших непримиримых исконных врагов; мы верим, что наше торжество будет полным и что классические страны очагов культуры и религии вновь придут в близкую связь с теми, кто имеет на них культурные и исторические "права".

Служение науке было для Бориса Александровича в полном смысле слова подвигом, ради которого он готов был на какие угодно жертвы и лишения. По окончании университетского курса, во время заграничной командировки, даже первые годы после нее ему приходилось жить со своей матушкой буквально на гроши, получаемые от университета, чтобы сохранить все время для научных занятий. Борис Александрович не брал никакой посторонней службы, дававшей бы ему заработок. Из Парижа он пишет мне в мае 1895 г.: «Был я в Версале, и он мне очень понравился, ухитрился всеми правдами и неправдами побывать в Сен-Клу и тоже остался доволен. Карманный вопрос не позволяет тратиться на это (т.е. на поездки за город), живу на остатки сумм, надо экономить каждый грош». В 1897 г., когда Борис Александрович был в Берлине, чтобы устроить дело с печатанием своей магистерской диссертации, он пишет мне, что усмотрел в Берлинском музее «немало новых приобретений по египетской части, и в том числе новых томов. Эрман предоставил все в мое распоряжение. Не знаю только, как быть: фотографии у меня нет, покупать не на что, да и учиться некогда, а заказывать дорого. Придется, все-таки, решиться на последнее». Чтобы показать на одном примере скромность ресурсов Бориса Александровича, достаточно указать, что путешествовал он по Германии в ... IV классе. Так жили молодые ученые 25 лет тому назад!

А когда Борису Александровичу не приходилось уже экономить каждый грош, на что тратит он свои излишки, если вообще можно говорить об излишках у русского ученого типа Бориса Александровича? На покупку книг, на собирание коллекции. Страсть — а это была именно страсть у бесстрастного в общем Бориса Александровича, — к собиранию предметов старины началась у него давно. Еще в феврале 1895 г. он писал мне из Берлина: «Проходя сегодня по одной из берлинских [улиц], я увидел в витрине одного магазина древностей прелестную пальмирскую скульптуру — известного типа женский бюст. Как жаль, что нет лишних денег, а то купил бы. Колбаса (так в шутку называет Борис Александрович антиквара. — С.Ж.) хочет 500 марок». Известно, какую прекрасную коллекцию удалось, в конце концов, составить Борису Александровичу, как он этой коллекцией восхищался, с какою радостью ее показывал!

Так делил свое время между служением науке и церкви Борис Александрович. Служение церкви выражалось в посещении церковных служб, а в последние годы и в активной работе по реформе церкви. Служение науке выражалось в постоянных упорных кабинетных и музейных занятиях, в чтении лекций и руководстве своими учениками, в деятельности в ученых обществах, преимущественно Русском археологическом. К общественной, а тем более к политической жизни Борис Александрович не чувствовал себя призванным, и всецело стоял на платформе «наука аполитична». Университетские треволнения, нарушившие правильный ход занятий, раздражали его. И чего они, говорил он о волнующихся студентах и профессорах, сидели бы, да учились; книг что ли мало? Работы нет? В факультете, тем более в Совете Борис Александрович выступал очень редко, в исключительных случаях. И вообще всякого рода дела и вопросы, не касавшиеся ближайшим

образом его ученой специальности, его мало трогали и интересовали, скорее даже тяготили его.

Чрезвычайно скромный и воздержанный, обыкновенно молчаливый и сосредоточенный, Борис Александрович приходил в раздражение, когда ему приходилось слышать о чем-либо некрасивом, позорящем науку и все, что с нею связано. Зато, когда, бывало рассмешишь чем-нибудь Бориса Александровича, он заливался таким неудержимым смехом, каким, говорят, умеют смеяться только дети, да истинно хорошие люди.

И вот такой хороший человек взял да и умер, умер преждевременно, далеко не сказав последнего слова, не исчерпав отпущенных ему природою сил и дарований, умер с полным сознанием, что ему лучше умереть, чем продолжать жить: он ведь просил «отпустить» его на тот свет. Что это значит? Откуда это *taedium vitae*? Говорили и будут говорить, что Борис Александрович умер от физического истощения, от недостатка питания — теперь это такая модная тема. Нет, не от физического истощения умер Борис Александрович — объяснять этим его смерть обидно было [бы] для него, жившего духовными интересами, обидно было бы для его близких. Борис Александрович умер от истощения, это — правда. Но какого? Морального. Мне, да и другим, он за последнее время неоднократно говорил, что дух его начинает угасать ранее, чем угасает тело. Для чего жить, сказал мне он раз, когда люди душу продали. И действительно, положение для такого человека, каким был Борис Александрович, сложилось тягостное, невыносимое, катастрофическое. Те два идеала, которым он служил всю свою жизнь, оказались попранными или, в лучшем случае, отошли на задний план в сознании большинства людей. Церковь признается только терпимой, а в своем внешнем обиходе испытывает явное умаление. Наука, та наука, которой служил Борис Александрович, признается роскошью — а для него она была хлебом насущным. Университет подвергается всякого рода экспериментам. А люди ... занимаются тем, что «приспосабливаются».

Не такая натура была у Бориса Александровича, чтобы он мог, чтобы он стал к чему-нибудь и к кому-нибудь «приспосабливаться». И разве мог он допустить, чтобы к чему-то стали «приспосабливать» даже науку. Борис Александрович готов был переносить, да и переносил ради своих идеалов какие угодно лишения, но «приспосабливать» свои идеалы он не хотел, да и не умел. Наконец, ему, как человеку глубоко и сознательно любящему Родину, родное, было и душно и тошно в окружавшем его «интернационале». И вот он просил в предсмертный час «отпустить» его.

Когда мы, в годы нашего студенчества, занимались греческими надписями у Ф.Ф. Соколова, последний как-то раз назвал Бориса Александровича «агиос» — святым. Когда я смотрел на Бориса Александровича, лежащего в гробу, облаченного в белый стихарь, с венчиком на лбу, он напоминал мне русских святых, в том, по крайней мере, типе их, в каком их любит изображать на своих картинах и образах художник Нестеров¹¹.

РА ИИМК РАН. Ф.2. Оп.2. Д.445. Л.1—27. Автограф.

¹¹ Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), живописец, работавший над историческими и религиозными темами, один из авторов росписи Владимирского собора в Киеве (1890—1895), мозаик и икон церкви Спаса «на крови» в Петербурге (1894—1897) и др.

Вчера вечером скончался С.Ф. Ольденбург — очень умный, очень образованный, очень культурный человек. Все это делало общение с ним приятным и интересным, хотя он и редко был экспансивен и, по характеру своему, [был] холоден, во всяком случае сдержанным. Не берусь судить, насколько Ольденбург преуспел в науке. Но по справедливости должно сказать, что он и не успевал и не успел бы преуспевать в ней: административная деятельность забрала его почти целиком, и, нужно сказать правду, Ольденбург был прекрасным администратором. За ту четверть века, в течение которой Ольденбург был непременным секретарем, он потрудился очень много для Академии и в дореволюционное время принес ей, несомненно, очень много пользы, поднял ее престиж в ученом мире, и нашем, и заграничном, превосходно поставил в Академии издательское дело. Отличительною чертою Ольденбурга было то, что он понимал интересы науки, сочувствовал им, всячески поддерживал их. Это много значит и это показывает, что по натуре своей Ольденбург был *vir doctus*¹. Но при этом столь же отличительною чертою Ольденбурга было его честолюбие, и потому-то он так и цеплялся за всякого рода «администрации», ибо они давали случаи удовлетворять честолюбие в различных отношениях и направлениях. Сколько раз Ольденбург говорил мне, как его угнетают административные дела, как они мешают ему научно работать. А когда я говорил Ольденбургу «бросьте их», он мне всегда замечал: «Надо же кому-нибудь заниматься и административными делами».

В дореволюционное время Ольденбург был, несомненно, *spiritus movens* Академии, и так как он был очень деловитый человек, очень работоспособный, то неудивительно, что он близко сошелся с таким вице-президентом Академии, каков был П.В. Никитин². Оба они взаимно очень ценили друг друга, и еще года три тому назад Ольденбург восторженно отзывался мне о Никитине. Худо то, что он, когда для этого была возможность, не устроил, чтобы портрет Никитина был помещен в Малом конференц-зале.

По своему направлению Ольденбург был «либерал». Когда явились кадеты, он стал кадетом³, иными словами лжелибералом. Ему следовало эмигрировать, как это сделали другие видные кадеты. Ольденбург этого не сделал и, с начала революции, он неизбежно должен был сойти с рельсов, по которым плавно, мерно и успешно шел раньше. Это объясняет и все дальнейшие перипетии в судьбе Ольденбурга, столь неприятные и для него самого, и для его ближайшего окружения. Они сильно омрачили последние 10 лет его жизни, и за последние годы лишили его со стороны многих той симпатии, которой Ольденбург пользовался у всех, кто его более или менее близко знал. Ольденбург хотел «переключиться», сначала путем «приспособления» к новому, а затем и полным поворотом к нему, но это ему не удавалось и не могло удасться. Он сам себя поставил в фальшивое положение, и это ясно чувствовалось всеми, а более всего, вероятно, им самим. Он не воспользовался удобным случаем — двадцати-

¹ С.Ф. Ольденбург, избранный в 1900 г. адъюнктом по литературе и истории азиатских народов, в 1903 г. экстраординарным, а в 1908 г. — ординарным академиком Петербургской АН, оставил яркий след в истории Академии, являясь непременным секретарем (1904—1929), исполняющим обязанности вице-президента АН СССР (1926—1929), директором Азиатского музея — Института востоковедения (1916—1934).

² Никитин Петр Васильевич (1849—1916), филолог-классик, академик (1892) и вице-президент Петербургской АН (1900—1916).

³ Будучи видным деятелем конституционно-демократической партии, летом 1917 г. С.Ф. Ольденбург стал министром народного просвещения Временного правительства.

пятилетием своего неперемного секретарства, не оставил его, и что же? [Через] несколько, два-три месяца, Ольденбургу пришлось против воли, по принуждению свыше, оставить пост неперемного секретаря⁴. Но и это не остановило Ольденбурга пред тем, чтобы добиваться и стать «администратором» хотя бы и куда меньшего калибра, чем то было при его неперемном секретарстве. Та трезвость мысли, та дальновидность, которые столь характерны для Ольденбурга, оставили его, и за ним числится много *faux pas*, от которых ранее он был совершенно свободен.

Неизбежная «реформа» Академии во многом была подготовлена этою половинчатою деятельностью Ольденбурга в революционное время. Сначала он «спасал» то, что было обречено на гибель, а когда «спасать» стало поздно, Ольденбург круто повернул руль влево⁵, но в этот поворот вряд ли кто поверил и верит, и это охладило симпатии многих к Ольденбургу, даже столь любезных его сердцу востоковедов, интересы которых Ольденбург старался противопоставить всему прочему, что касалось гуманитарного отделения. Во всяком случае, наши востоковеды (академические) должны быть очень признательны Ольденбургу: он умел их «устраивать» и «благополучие» нашего востоковедения многим Ольденбургу обязано. Но это востоковедение уже далеко не то, каким оно было при бароне Розене⁶, которому, в свою очередь, Ольденбург во многом обязан своей «карьерой». Последнюю Ольденбург вел умело и с большим тактом; кончил ее печально, потому что утратил ту принципиальность, которая раньше его отличала. Человек европейской культуры, Ольденбург не мог стать «советским ученым», но пожелал стать им из далеко не принципиальных соображений. Ничего не вышло: ни богу свечка, ни чёрту кочерга.

⁴ По настоянию правительственных органов, во время работы Правительственной комиссии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по чистке аппарата АН под председательством Ю.П. Фигатнера 30 октября 1929 г. С.Ф. Ольденбург был отстранен от должности неперемного секретаря. Подробнее см.: *Перчёнок Ф.Ф.* Академия наук на «Великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 195—206.

⁵ Намек С.А. Жебелева на резкий поворот С.Ф. Ольденбурга в отношении к большевикам. Сразу после Октябрьского переворота 1917 г. собралось экстраординарное Общее собрание Российской АН «ввиду того, что происшедшие события угрожают гибелью стране». Наряду с акад. А.А. Шахматовым, А.С. Лаппо-Данилевским, М.А. Дьяконовым, Н.С. Курнаковым и М.И. Ростовцевым, С.Ф. Ольденбург вошел в избранную на заседании комиссию для составления текста обращения от имени РАН. 21 ноября 1917 г. представленный комиссией текст был утвержден Конференцией АН: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и, ценою постыдного и непрочного сепаратного мира, готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? — внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов. Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судеб Учредительному собранию; оно должно сохранить ее от внутреннего и внешнего насилия; оно призвано обеспечить рост ее культуры и упрочить ее положение в среде просвещенных государств. В твердом единении верных сынов Родины служители науки и просвещения сознают ее мощь и преклоняются перед ее волей: они готовы всеми своими знаниями и всеми своими силами содействовать той великой творческой работе, которую свободная Россия возлагает на Учредительное собрание» (ПФА РАН. Ф.1. Оп.1а—1917. Д.164. Ос. § 306—307. С. 288—300). В сентябре 1919 г. С.Ф. Ольденбург был арестован, но по приказанию В.И. Ленина, знавшего его со студенческих лет, через две недели освобожден. Возможность обращаться к Ленину, минуя инстанцию, не раз спасала Академию и её членов в критические моменты. Оказавшись в роли посредника между советской властью и творческой интеллигенцией, Ольденбург пытался преодолеть взаимное недоверие и неприязнь двух сторон, направить их отношения в русло взаимного сотрудничества. Психологическую характеристику Ольденбурга, во многом совпадающую с оценкой С.А. Жебелева, см. в воспоминаниях 1923 г. сотрудницы Пушкинского дома РАН Е.П. Казанович: Два эпизода из жизни литературных организаций / Публикац. Н. Крамера // Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 329—330.

⁶ Розен Виктор Романович (1849—1908), востоковед-арабист, академик Петербургской АН (1890), создатель новой школы востоковедения в России.

Мое общение с Ольденбургом началось с 90-х гг. прошлого века. Помню беседы с ним, всегда интересные, в университетском Музее древностей. Помню нашу совместную работу в Русском археологическом обществе. Помню прекрасную его речь по моему адресу, когда справлялось мое 35-летие и когда приветствуя меня от имени Академии, Ольденбург, воспользовавшись тем, что я ему говорил до заседания об очерке классической филологии Виламовица и той характеристике, которую последний дал Науку, назвал меня, совершенно незаслуженно, «внуком Науки»⁷. Моему избранию в Академию Ольденбург сначала сопротивлялся, но после моего юбилея переменял это сопротивление в мою пользу. Никогда не забуду того трогательного отношения, какое проявил ко мне Ольденбург во время «ноябрьского инцидента» со мною в 1928 г.⁸ Достаточно сказать, что все «письменные объяснения», которые мне пришлось делать в связи с этим инцидентом, составлены, на основании моих забракованных им проектов, самим Ольденбургом и мною только подписаны.

1 марта 1934 г.

ПФА РАН. Ф.729. Оп.1. Д.26. Л.1—1 об. Автограф.

⁷ Речь идет о торжественном заседании в Государственной Академии истории материальной культуры (1926 г.), посвященном 35-летию научной деятельности С.А. Жебелева. Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф (1848—1931), немецкий филолог и историк античной культуры; Наук Август Карлович (1822—1892), филолог-классик, экстраординарный (1858) и ординарный (1861) академик Петербургской АН.

⁸ Речь идет о пресловутом «деле» С.А. Жебелева 1928 г. Ольденбург помог С.А. Жебелеву составить объяснительные письма в АН СССР и Секцию научных работников, напечатанные в местных и центральных газетах. Этот шаг предотвратил исключение Жебелева из числа членов АН СССР. Подробнее см. в комментариях к «Автонекрологу» С.А. Жебелева (ВДИ. 1993. № 2).

© 1993 г. АКАДЕМИК МИХАИЛ ИВАНОВИЧ РОСТОВЦЕВ
(Неизвестные и малоизвестные архивные материалы
из коллекций США)

(Краткий обзор)

За последние годы интерес к жизни и творчеству М.И. Ростовцева — одного из самых ярких антиковедов XX в. — заметно возрос. Это связано не только с открытием его архива в Санкт-Петербурге¹, но, прежде всего с тем, что многие труды ученого продолжают сохранять свою актуальность, а идеи, высказанные несколько десятилетий назад, находят блестящее подтверждение в свете новых материалов археологии и эпиграфики². В конце 1990 г. вышла книга голландского историка М. Веса «Михаил Ростовцев,

¹ См.: Зуев В.Ю. Краткий обзор фонда М.И. Ростовцева из Центрального государственного Исторического архива СССР // ВДИ. 1991. № 4. С. 145—151.

² М.И. Ростовцев сыграл немалую роль в развитии американской исторической науки в целом. В 1935 г. он был избран Президентом Американской Исторической Ассоциации; за всю историю американской науки этой чести удостоивались лишь несколько антиковедов (см.: Novick P. That Noble Dream: the «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge University Press, 1988; Pocock E. Presidents of the American Historical Association: a statistical analysis // American Historical Review. 1984. V. 80. P. 1016—1036).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юсифов Ю.Б., Алимурзов А.Н.</i> (Баку) — К расшифровке знаков-цифр протоэламского письма	3
<i>Ярхо В.Н.</i> (Москва) — Поэтика литературной игры (<i>Папирусные тексты Каллимаха и Гермесианакта</i>)	21

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Хабихт Х.</i> (Принстон) — Иасос и Самофракия в середине III в. до н.э.	38
<i>Яценко В.В.</i> (Ростов-на-Дону) — Клад электрических боспорских статеров с Гниловского городища	43

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Шарма Р.Ш.</i> (Патна) — Переход от древности к средневековью в Индии	55
<i>Вигасин А.А.</i> (Москва) — Переход от древности к средневековью. Данные санскритских источников и их интерпретация (<i>По поводу статьи Р.Ш. Шармы</i>)	72

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Маламуд Ш.</i> (Париж) — Отрицание насилия в ведическом ритуале жертвоприношения	79
<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) — Общность коммуникативной и социальной терминологии архаической Греции и раннего Рима: историко-лингвистический аспект ...	88
<i>Печатнова Л.Г.</i> (С.-Петербург) — Гипомейоны и мофаки (<i>Структура гражданского коллектива Спарты</i>)	100
<i>Оржеховский О.С.</i> (Москва) — К вопросу о предыстории Ганнибаловой войны	116
<i>Котигорошко В.Г.</i> (Ужгород) — Римские импорты и выделение экономических районов в Верхнем Потисье	121
<i>Хэгг Т.</i> (Берген) — От античной биографии к византийской агиографии	136

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.</i> (Москва) — Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области	141
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историкографические этюды С.А. Жебелева. Три неизданных мемуара С.А. Жебелева	180
<i>Жебелев С.А.</i> — Из воспоминаний о Я.И. Смирнове; Из воспоминаний о старом товарище; С.Ф. Ольденбург	191
<i>Бонгард-Левин Г.М.</i> (Москва) — Академик Михаил Иванович Ростовцев (Неизданные и малоизвестные архивные материалы из коллекций США) (<i>Краткий обзор</i>)	202

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Дьяконов И.М.</i> (С.-Петербург) — В.Д. Неронова. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь, 1992	209
<i>Каковкин А.Я., Большаков А.О.</i> (С.-Петербург) — Dans Les pas de Jean Ciédat. L'Égypte en Périgord. Catalogue raisonné de l'exposition. Musée du Périgord, 16 mai — 15 septembre 1991. Paris — Louvain, 1992	211
<i>Дандамаев М.А.</i> (С.-Петербург) — S.Graziani. Testi editi ed inediti datati al regno di Bardiya (522 a.C.). Napoli, 1992	212
<i>Семина К.А.</i> (Москва) — Gifts to the Gods. Proceedings of the Uppsala Symposium 1985. Ed. by T. Linders and G. Nordquist. Uppsala, 1987	214
<i>Глушанин Е.П.</i> (Барнаул) — Theodor Mommsen. Römische Kaisergeschichte. Nach den Vorlesungs-Mitschriften von Sebastian und Paul Hensel 1882/86 hrsg. von Barbara und Alexander Demandt. München, 1992	221
	253